

От интеграции к регионализму: эволюция теорий регионального межгосударственного сотрудничества

Ю.А. Никитина

В статье анализируется эволюция теорий интеграции, выявляются основные их положения и рассматривается вопрос об их применимости в исследовании опыта незападного регионального сотрудничества. Рассматриваются также современные теории регионализма, изначально разработанные для сравнительного анализа, без ориентации на европейскую интеграцию как модель.

В Советском Союзе изучение международных отношений вообще и интеграционных процессов, в частности, происходило в идеологических рамках, что накладывало серьезные ограничения на развитие теоретических подходов к анализу международно-политических явлений. Распад СССР стимулировал развитие исследований интеграции и международных процессов в постсоветских государствах. Вместе с тем, абсолютное большинство таких исследований носят прикладной, а не теоретический характер. Теоретическая направленность встречается в отечественных работах по европейской интеграции или по процессам экономической интеграции, что повлияло на возникновение такой особенности российских исследований, как описание практически любого регионального институционализованного сотрудничества почти исключительно в терминах «интеграции».

Насколько эффективны интеграционные процессы на постсоветском пространстве или, скажем, в Восточной Азии? Заложенные в термине «интеграция» смыслы делают ответ почти очевидным, особенно при сравнении с европейской интеграцией любого другого опыта регионального институционализованного сотрудничества. Как известно, «конец истории» по Фрэнсису Фукуяме так и не наступил, в политологическом сообществе на смену вере в неизбежную всеобщую демократизацию мира пришло принятие многообразия форм политического

устройства государств и признание эффективности (хотя и ограниченной) режимов, отличных от канона либеральной демократии.

Так почему же теории интеграции до сих пор во многом ориентируются на единственную модель — Евросоюз? Существуют ли альтернативные теории, учитывающие региональные различия? Анализ полувековой эволюции исследований региональной интеграции позволяет сделать определенные выводы и предложения относительно развития российских теоретических исследований регионального сотрудничества.

Теоретической основой исследований интеграции считается федерализм межвоенного времени, который позднее вдохновлял «отцов» европейской интеграции. Федерализм видел конечной целью интеграции создание из некогда суверенных государств нового единого федеративного государства или надгосударственных структур, и представлял собой скорее политическую программу, чем теорию. В 1943 году появляется работа Дэвида Митрани, в которой были заложены основы конкурирующей теории — функционализма¹.

Серьезное влияние на развитие теории оказал запуск интеграционного проекта в Западной Европе в 1950-х гг. (создание Европейского объединения угля и стали в 1952 г., подписание Римского договора и создание Общего рынка в 1957 г.). Именно европейские

Никитина Юлия Александровна — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России; E-mail: zerododici@yandex.ru

интеграционные процессы дали импульс переходу от дескриптивного анализа к построению полноценных теорий. Концепция «региональной интеграции» появилась благодаря теоретическим работам Эрнста Хааса и Карла Дойча². На этом этапе исследований (конец 1950-х — начало 1970-х гг.) основными подходами были федерализм (А. Спинелли³), функционализм (Д. Митрани⁴), а также неофункционализм (Э. Хаас, Ф. Шмиттер⁵, А. Этциони и др.) и трансакционализм (К. Дойч).

Согласно федералистам, для создания нового политического сообщества необходимо было заменить национальные правительства наднациональными институтами. По мнению функционалистов, международные организации должны быть созданы для удовлетворения базовых функциональных потребностей — развития торговли, транспортных сетей, производства и т.п. Экономисты функционалисты считали важнее политики, а институциональная форма должна была определяться функциональным содержанием. Федералисты стояли на противоположных позициях: форма (федеративное супергосударство) — важнее содержания, политика — важнее экономики.

В то же время у данных подходов были и общие черты:

- и федерализм, и функционализм своей целью видели обеспечение мира, а само существование национального государства представлялось им скорее как препятствие на этом пути;
- государство-нация и привязка к территории воспринимались ими как пережиток Вестфальской системы мира, само устройство которой провоцировало войны и конфликты⁶.

Если федерализм и функционализм представляли собой скорее соответствующие политические программы и подходы к построению мира, чем полноценные теории, то неофункционализм и трансакционализм уже имели вполне обоснованные теоретические амбиции. Неофункционалисты во главе с Э. Хаасом попытались преодолеть излишне техницистский подход функционалистов и их желание отделить политику от процессов интеграции. Филипп Шмиттер следующим образом определял основные положения неофункционализма⁷:

- это теория региональной интеграции, которая делает основной акцент на роли негосударственных акторов, особенно «секретариата» изучаемой региональной организации, групп интересов и социальных движений, действующих на уровне региона и создающих тем самым предпосылки для дальнейшей интеграции;
- государства-участники устанавливают условия первоначального соглашения, но не являются единственными акторами, определяющими направление и степень интеграционных изменений;
- на процессы также оказывают влияние региональные бюрократические элиты и группы интересов, которые используют в своих интересах

«непредвиденные последствия», которые возникают, когда государства соглашаются отдать часть полномочий для реализации ограниченных задач на наднациональный уровень. Потом они осознают, что это оказывает влияние и на другие сферы их региональной деятельности.

То есть, по Шмиттеру получается, что процессы интеграции по своей природе весьма противоречивы и даже конфликтогенны, однако в условиях демократии национальные правительства, ограниченные региональными обязательствами, будут разрешать конфликты, уступая еще больше полномочий созданным региональным организациям. В результате граждане национальных государств будут все больше ожидать связывать именно с регионом как самостоятельным субъектом, а не на собственное государство, что увеличит вероятность «перетекания» (*spillover*) социо-экономической интеграции в политическую сферу. Механизм «перетекания» (*spillover*) является ключевой концепцией неофункционализма.

В основе трансакционализма лежит концепция «сообществ безопасности». Считается, что концепция «сообществ безопасности» была выдвинута в 1957 году Карлом Дойчем и его коллегами в книге под его редакцией «Политическое сообщество и Североатлантическая зона»⁸. Однако, на самом деле эту концепцию еще в начале 1950-х годов предложил Ричард Ван Вагенен. К. Дойч и его коллеги определяли сообщество безопасности как группу, члены которой достигли такой степени интеграции, что у них возникала обоснованная уверенность, что члены сообщества не будут воевать между собой. Дойч выделял два типа сообществ безопасности — *плюралистические* и *объединенные (амальгамированные)*. В рамках плюралистических сообществ государства сохраняют суверенитет, амальгамированное сообщество безопасности предполагает отказ от суверенности и формальное объединение в единое государство (по сути, речь идет о том же федерализме), при этом в обоих случаях конфликты внутри сообщества разрешаются только мирными способами. В случае плюралистических сообществ безопасности необходимо наличие разделяемых членами сообщества ключевых ценностей — общей идентичности, стремления оказывать взаимную помощь, общих институтов. Чувство принадлежности к одному сообществу, согласно Дойчу, возникает благодаря коммуникациям и взаимодействию между его составными частями. Именно поэтому в качестве доказательной базы своей концепции Дойч и его коллеги приводят данные об объемах трансакций (торговля, туризм) между отдельными государствами — членами того или иного сообщества.

Важной характерной чертой исследовательской литературы периода до середины 1970-х годов является ее европоцентричность. Анализ интеграционных процессов происходил на примере ЕЭС/Европейского сообщества. Описанные выше теории редко

применялись для характеристики процессов, которые происходили в других регионах мира⁹. Отличия же в развитости и эффективности региональных объединений, как правило, объяснялись при помощи различных социальных, политических, экономических и культурных предпосылок (уровень экономического развития, активность политических партий и т.п.).

С середины 1970-х по начало 1980-х годов интерес к изучению региональной интеграции значительно снизился из-за кризисов и застоя внутри Европейского сообщества (так называемый период «евроскептицизма») и развития процессов глобализации и взаимозависимости, которые, казалось, делали внутрирегиональные процессы неактуальными. Проблематика транснациональных связей и комплексной взаимозависимости настолько охватила умы исследователей международных отношений, что в 1975 году Эрнст Хаас, один из основателей теории региональной интеграции, объявил об «отмирании» последней¹⁰! Правда, он сделал оговорку, что речь идет именно о региональной интеграции как постепенном отказе от государственного суверенитета и создании наднационального сообщества, а не о процессах регионализма, существовании региональных подсистем и регионального сотрудничества вообще¹¹.

Возобновившиеся в 1987 году со вступлением в силу Единого Европейского Акта процессы европейской интеграции и активизация региональных проектов в других частях света вновь вернули исследовательский интерес к изучению региональных организаций и процессов сотрудничества. Возникают новые теории и направления исследований, в соответствии с меняющейся практикой обновляются старые. В центре внимания оказались неолиберальный институционализм, «европейские исследования», а также «новый регионализм».

В период увлечения транснационализмом многие исследователи переключились с анализа процессов интеграции на изучение международных режимов¹². Постепенно на основе многочисленных теорий режимов формируется такое направление, как неолиберальный институционализм. Согласно определению Дж. Миршаймера, международные институты — это «набор правил, определяющих способы осуществления отношений сотрудничества и конкуренции между государствами»¹³. Неолиберальный институционализм в основном занимается изучением международной сферы и европейских процессов, с редкими исключениями для других регионов.

С конца 1980-х годов «европейские исследования» (*European studies*) оформляются в самостоятельную сферу исследований. Для анализа процессов евроинтеграции применяется все возрастающее число подходов, например, Ф. Шмиттер называет следующие: регуляционный подход («*the regulatory approach*»), либеральный межправительственный подход («*liberal inter-governmentalism*»), анализ «политических сетей»

(«*the policy-network approach*»), теория «слияния» («*the Fusion-Thesis*»), многостороннее управление («*multi-lateral governance*») и многие другие¹⁴.

Наличие большого числа теорий именно европейской интеграции объясняется, среди прочего, желанием преодолеть так называемую проблему $n=1$. Подобная ситуация возникает, когда изучаемое явление уникально, не имеет аналогов в других регионах мира. А это, соответственно, лишает смысла построение любой универсальной теории, так как невозможно сделать обобщение на основе единственного в своем роде процесса. В таком случае любой анализ неизбежно сводится лишь к описанию. Решить данную проблему можно, только найдя соответствующие объекты для сравнения.

И поскольку в рамках международных исследований как научного направления это сделать сложно (ЕС — единственный пример столь развитых интеграционных процессов практически во всех сферах сотрудничества), исследователи европейской интеграции постепенно стали применять методологический аппарат и теоретические подходы *политических наук*: Евросоюз начали анализировать не как регион, а как *политику/политическую систему*, что дает возможности для сравнения и построения теории¹⁵.

Значимое место в научной литературе 1990-х годов занимает подход, разработанный Бьорном Хеттне и Федериком Сёдербаумом, так называемый «новый регионализм» постбиополярного периода в противовес «старому». Хотя концепция «нового регионализма» стала применяться в различных дисциплинах (международные отношения, мировая экономика, политология¹⁶), чаще всего этот термин можно встретить в работах по международной политэкономии. По мнению Б. Хеттне, процессы глобализации и регионализации нужно рассматривать в рамках более широкого процесса глобальной структурной трансформации Вестфальской системы мира¹⁷.

В целом, как писал сам Б. Хеттне, «новый регионализм» пытался осмыслить региональные процессы в контексте глобализации, то есть, по сути, данное направление продолжает традиции транснационализма/глобализма. В начале 2000-х годов «новый регионализм» подвергся переосмыслению со стороны его создателей¹⁸. По мнению авторов теории, несколько преувеличенными оказались различия между «старым» и «новым» регионализмом, зависимость региональных проектов от процессов глобализации и потенциал пространства и развития «нового регионализма»¹⁹.

Анализ эволюции теорий интеграции позволяет выделить следующие повторяющиеся концептуальные положения:

- во-первых, это принцип наднациональности, отказ государств от некоторого объема суверенитета и передача его на наднациональный уровень;
- во-вторых, это достаточно четкие этапы/стадии развития с predetermined результатом (например, созданием единого сообщества);

— в-третьих, это ориентация на европейскую интеграцию как модель. То есть, теории интеграции главным образом *нормативны*, имеют определенную ценностную ориентацию и предполагают некоторый конечный результат процессов межгосударственного сотрудничества.

Соответственно, если подходить к анализу СНГ, Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) или АСЕАН с точки зрения теорий *интеграции*, то неизбежными окажутся выводы о «слабости» и «отставании» данных объединений от ЕС и НАТО, которая также имеет сильный идеологический компонент и берется за образец в исследованиях по проблемам региональной безопасности. В терминологии российских работ — по проблемам военно-политической интеграции.

Отметим, что на Западе термин «интеграция» используется главным образом для описания процессов в рамках Евросоюза, а также для анализа экономической интеграции. В остальных случаях используются другие понятия, в том числе «регионализм». Интересно, что в России термин «регионализм» используется, главным образом, в рамках политической регионалистики как политологической субдисциплины при изучении *внутригосударственных регионов*. Объектом изучения в данном случае могут быть, например, политические процессы в различных регионах России и их сравнение, отношения Центр/регионы в федеративных государствах. *Международно-политические регионы* изучаются в рамках регионоведения. Именно развитая российская школа регионоведения позволила отечественным исследователям уже во второй половине 1990-х годов, то есть несколько ранее, чем их западным коллегам, прийти к выводу: происходящие в Азии процессы не вписываются в западные теории международных отношений²⁰.

Вместе с тем, выявление таких «отклоняющихся» закономерностей российскими исследователями не было направлено на создание теорий регионально-институционализированного сотрудничества. В результате в отечественных работах по-прежнему используются западные теории интеграции и регионализма, что не может не сказываться, например, на оценках эффективности деятельности региональных организаций на постсоветском пространстве.

Существуют ли теории, применимые для анализа институционализированного сотрудничества вне Европы? В последние годы многие западные исследователи обратились к изучению интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это, в свою очередь, подтолкнуло развитие дискуссий о применимости классических западных теорий интеграции к незападным феноменам²¹. В результате стали появляться теории и концепции, изначально нацеленные на сравнительный анализ опыта регионального сотрудничества в различных регионах

мира. Ниже представлены два подобных подхода: сравнительный анализ институционального дизайна региональных организаций и концепция кооперативной гегемонии.

В 2001 году вышел специальный номер журнала «Международная организация»²², в котором были изложены основные результаты проекта «Рациональный дизайн международных институтов». Под термином «институциональный дизайн» авторы (Корменос, Липсон, Снайдал)²³ понимают формальные и неформальные правила и организационные характеристики, которые составляют основу института. Они либо служат ограничителем действий участников объединения, либо представляют собой структуру социальной среды, в которой субъекты взаимодействуют²⁴. Проект получил широкую известность, однако, не был лишен недостатков, так как не принимал во внимание незападные региональные институты.

Попытку преодолеть указанный недостаток концепции рационального институционального дизайна, развить ее и применить в сфере сравнительного регионализма, предприняли А. Ачария и Э.А. Джонстон²⁵. Основной тезис этих авторов сводится к тому, что институциональный дизайн, то есть механизмы и структура организации, отвечают потребностям государств, формирующих данное объединение. Соответственно, эффективность деятельности региональной организации должна анализироваться именно с этих позиций потребностей и интересов государств, а не при помощи сравнения с «идеальной моделью» — Евросоюзом. Авторы проекта провели сравнительный анализ институционального дизайна следующих региональных организаций (групп организаций): Организации африканского единства/Африканского союза, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ), НАТО и ЕС, Организации Американских государств, Лиги арабских государств.

Исследование показало наличие существенных отличий между организациями развитых стран и объединениями стран развивающихся. В развивающемся мире для дизайна региональных организаций нормативные соображения и идеи имеют большее значение, чем функциональный подход. То есть изначально дизайн региональных организаций в развивающемся мире определялся не необходимостью совместного решения проблем (общая внешняя угроза, либерализация торговли и т.п.), а разделяемыми подходами относительно суверенитета, выживания режимов, невмешательства и т.п. Институциональный дизайн НАТО же, напротив, изначально создавался именно исходя из функциональных соображений (ценностная составляющая присутствовала, но не оказывала столь значимого влияния на институциональный дизайн).

Чем менее устойчивы внутривнутриполитические режимы, тем меньше полномочий для вмешательства во внутренние дела имеют региональные организации. Недемократические режимы в развивающихся

странах рассматривают членство в региональных организациях как возможность обеспечить выживание режима. Дизайн региональных институтов в развивающемся мире нацелен скорее на сохранение суверенитета, чем на его размывание. В частности, такие региональные организации основаны на принципах невмешательства во внутренние дела, территориальной целостности, включая сохранение постколониальных границ, а целью их является сохранение независимости государств-членов. Однако, по мере своего развития, региональные организации могут сталкиваться с новыми задачами, например, необходимостью гуманитарной интервенции. В таких случаях изначальный дизайн институтов вступает в противоречие с вызовами времени и ограничивает возможности вмешательства во внутренние дела, препятствуя эволюции организаций.

Один из важных выводов исследования Ачарии и Джонстона заключается в том, что более формализованные региональные организации не обязательно позволяют сотрудничать более эффективно. Если оценивать эффективность региональных организаций в развивающемся мире именно с точки зрения их изначальных целей (сохранение суверенитета), то «слабые» (по сравнению с европейскими) институты помогли «слабым» государствам легитимизировать суверенитет, то есть свою функцию выполнили.

Интересными являются выводы относительно идеологий региональных объединений. НАТО и ЕС имеют в своей основе *либеральную идеологию*, которая подразумевает либерально-демократическое управление и многостороннее и мирное разрешение конфликтов. В остальных исследуемых случаях основной идеологией региональных объединений, особенно на этапе создания, были разные формы пан-континентализма (панарабизм, панафриканизм и т.д.). В отличие от ЕС и НАТО, для западных региональных организаций характерно идеологическое разнообразие государств-членов, а демократическая политическая система не является условием членства.

Все основные теории интеграции вписываются в рамки либеральной парадигмы изучения международных отношений и мировой политики. Вместе с тем, существует и реалистский подход к феномену региональной интеграции, хотя, с его точки зрения, интеграционные процессы достаточно сложно объяснить, так как возникает вопрос, что заставляет крупные державы участвовать в процессах региональной интеграции. Для объяснения данного феномена датский политолог-международник Т. Педерсен предлагает свой теоретический подход к анализу регионализма — теорию кооперативной гегемонии²⁶, которую автор называет «общей теорией регионализма», выходящей за рамки анализа европейского опыта.

Автор теории кооперативной гегемонии пытается преодолеть проблемы, возникающие у неореализма и неолиберализма при анализе региональной интеграции. Неореализм предполагает взаимное

недоверие государств и лишь временные союзы для обеспечения безопасности. Плюрализм же (в частности, неофункционализм и либеральный межправительственный подход) рассматривает интеграционные процессы, но с трудом объясняет причины, по которым было принято решение о формировании интеграционного союза, то есть необъясненной остается стадия формирования. Соответственно, объектом анализа Т. Педерсена являются мотивы и стратегии основных держав, иницирующих региональную интеграцию, а не институциональные формы и механизмы последней, которые могут значительно варьироваться от региона к региону. То есть автор предлагает теоретический подход, который, не претендуя на анализ всех аспектов регионализма, направлен на анализ и объяснение главным образом стадии формирования региональных объединений.

Итак, *кооперативная гегемония* — это тип регионального порядка, в рамках которого «мягкое» управление осуществляется при помощи соглашений о сотрудничестве, основанных на долгосрочной стратегии. Кооперативная гегемония — это лишь одна из четырех возможных стратегий великих держав, также выбор может быть сделан в пользу односторонней гегемонии, империи или «концерта». Различия между четырьмя вариантами определяются соотношением в каждом конкретном случае реалистской логики поведения и степени региональной институционализации.

Каковы же могут быть мотивы доминирующей региональной державы при инициировании региональной институционализации? Следуя реалистской логике, можно предположить, что любое усиление одной державы рано или поздно приведет к контрбалансированию со стороны других крупных держав или коалиции меньших по влиянию держав. Чтобы предотвратить такое контрбалансирование, региональная держава может предложить сформировать региональное объединение с участием тех самых «малых» держав. Другой возможный стимул — предотвращение «отклоняющегося» поведения, то есть выхода малой державы из зоны политического, военного или экономического влияния державы региональной. Фактически, здесь речь может идти о своеобразном «договоре» между региональными Центром и Периферией- первый следует политике определенного самоограничения в обмен на лояльность второй.

В целом же, с точки зрения региональной державы существуют следующие четыре основных преимущества кооперативной гегемонии:

- *преимущества масштаба.* Агрегирование власти, о котором говорилось выше, имеет важное значение для крупных региональных держав, стремящихся к глобальной роли. Например, для экономически эффективной региональной державы создание общего регионального рынка создает дополнительные преимущества;
- *преимущества стабильности.* Если в регионе существуют значительные опасения насчет политики ведущей державы, для остальных государств

важной целью становится стабильность. Чем больше экономических и военно-политических связей у крупной державы с остальными странами региона, тем выше вероятность кооперативного взаимодействия и тем меньше у последних стимулов для контрбалансирования и выхода из-под влияния. Вместе с тем, для обеспечения стабильности ведущей державе придется делиться властью и некоторым образом «оплачивать» (например, при помощи экономических стимулов) лояльность стран региона. При этом все равно сохраняется вероятность, что население той или иной страны выступит против собственного государственного руководства, кооптированного ведущей державой (вспомним «цветные» революции на постсоветском пространстве);

- *преимущества включенности*. Включенность в региональную интеграцию позволяет получить доступ к природным ресурсам других стран, а также интегрировать диаспоры ведущей державы, проживающие в соседних странах. В качестве примера автор ссылается как раз на политику России в СНГ;
- *преимущества распространения* (идей, принципов). Региональное институционализированное сотрудничество дает гегемону возможность распространения собственных идей и принципов в соседних странах, то есть речь даже может идти о процессе создания единого сообщества со своими региональными ценностями, отличающимися их от третьих государств.

Таким образом, основное положение теории кооперативной гегемонии сводится к следующему: ведущие державы региона, которые чувствуют себя ослабленными с военной точки зрения, могут стремиться к максимизации или стабилизации своего влияния ненасильственными способами при помощи стратегии кооперативной гегемонии в рамках многосторонних региональных структур.

В заключение можно сказать, что при анализе неевропейского опыта регионального институционализированного сотрудничества более ценные с аналитической точки зрения результаты могут быть достигнуты при применении методов и теорий, которые изначально были созданы для исследования в том числе неевропейских регионов²⁷. В российском исследовательском сообществе более распространены евроцентричные подходы, которые создают ценностно-нагруженные модели региональной интеграции с единственно возможным (заранее заданным) конечным результатом.

Summary: *Russian researchers often analyze Post-Soviet regional cooperation in terms of integration which leads to the inevitable conclusion of its ineffectiveness. Analysis of integration theories shows that they are mostly normative and are based on the EU model. Recent developments in the regionalism studies show that there are new approaches more appropriate for the analysis of the non-Western regional organizations.*

Ключевые слова

теории интеграции, регионализм

Keywords

integration theories, regionalisms

Примечания

1. Mitrany, David. *A Working Peace System* / David Mitrany. — London: Royal Institute of International Affairs, 1943.
2. Haas, Ernst B. *Uniting of Europe* / Ernst B. Haas. — Stanford: Stanford University Press, 1958; Deutsch, Karl W. et al., *Political Community and the North Atlantic Area* / Karl W. Deutsch. — Princeton: Princeton University Press, 1957.
3. Spinelli A. *The Eurocrats* / Altiero Spinelli. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1966.
4. Mitrany, David. *The Prospect of Integration: Federal or Functional?* / David Mitrany // *Journal of Common Market Studies*. — 1965. — 4(1). — PP.119–49.
5. Haas, Ernst B. and Schmitter, Philippe C. *Economics and Differential Patterns of Political Integration: Projections about Unity in Latin America* / Ernst B. Haas and Philippe C. Schmitter // *International Political Communities*. — New York: Doubleday, 1966. — PP. 259–299.
6. Hettne, Bjorn and Soderbaum, Fredrik. *The future of regionalism: old divides, new frontiers* / Bjorn Hettne and Fredrik Soderbaum // *Regionalisation and Global Governance: The taming of globalization?* Ed. by Andrew F. Cooper, Christopher W. Hughes and Philippe De Lombaerde. — Routledge, London and New York, 2008. — P. 63.
7. Schmitter, Philippe C. *Neo-neo-functionalism* / Philippe C. Schmitter // *European University Institute*. - July 2002. — PP. 2–3 // For publication in: Wiener, Antje and Thomas Diez, eds. *European Integration Theory*. — Oxford: Oxford University Press, 2003. <http://www.iue.it/SPS/People/Faculty/CurrentProfessors/PDFfiles/SchmitterPDFfiles/NeoNeoFunctionalismRev.pdf>
8. Deutsch, Karl W. et al., *Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience* / Karl W. Deutsch et al. — Princeton: Princeton University Press, 1957.
9. Среди редких примеров сравнительного анализа интеграционных процессов в различных регионах можно назвать: Haas, Ernst B. *International Integration: The European and the Universal Process* / Ernst B. Haas // *International Organization*. — 1966. — 15(4). — PP. 366–392.
10. Haas, Ernst B. *Obsolescence of Regional Integration Theory* / Ernst B. Haas // *Research Series #25*. — Berkeley: Institute of International

■ Научные школы МГИМО

- Studies, University of California, 1975.
11. Haas, E. Turbulent Fields and the Theory of Regional Integration / E. Haas // *International Organization*. — 1976. — 30,2. — PP.177. Цит. по Rochester, J. Martin. *The Rise and Fall of International Organization as a Field of Study* / J. Martin Rochester // *International Organization*. — Autumn 1986. — Vol. 40, No. 4. — P. 793.
 12. Подробнее о современном состоянии теории режимов см.: Young, O. R. and Zürn M. *The International Regimes Database: Designing and Using a Sophisticated Tool for Institutional Analysis* / Oran R. Young and Michael Zürn // *Global Environmental Politics*. — August 2006. — 6:3. — PP. 121–143.
 13. Цит. по Сафонов М. *Современные подходы к изучению международных институтов* / М.Сафонов // «Международные процессы». — Январь-апрель 2003. — Том 1. Номер 1 (1). <http://www.intertrends.ru/one/006.htm>
 14. Schmitter, Philippe C. Neo-neo-functionalism / Philippe C. Schmitter // *European University Institute*. — July 2002. — PP. 1–2 // For publication in: Wiener, Antje and Thomas Diez, eds. *European Integration Theory*. — Oxford: Oxford University Press, 2003. <http://www.iue.it/SPS/People/Faculty/CurrentProfessors/PDFFiles/SchmitterPDFfiles/NeoNeoFunctionalismRev.pdf>
 15. Rosamond, Ben. Rethinking classical integration theory / Ben Rosamond // *Regionalisation and Global Governance: The taming of globalization?* Ed. by Andrew F. Cooper, Christopher W. Hughes and Philippe De Lombaerde. — Routledge, London and New York, 2008. — PP.83–84.
 16. Интересно отметить, что существуют попытки применения теории «нового регионализма» к внутриполитическим регионам, в частности, к субъектам РФ: Obydenkova A. *New Regionalism and Regional Integration: the Role of National Institutions* / Anastassia Obydenkova // *Cambridge Review of International Affairs*. — 2006. — 19:4. — PP. 589 — 610.
 17. Hettne B. *Globalization, the New Regionalism and East Asia* / Selected Papers Delivered at the United Nations University Global Seminar 1996 Shonan Session. — 2–6 September 1996. — Hayama, Japan // Сайт Университета ООН <http://www.unu.edu/unupress/globalism.html#Globalization>
 18. См., например: Hettne, B. *The New Regionalism Revisited* / F. Soderbaum and T. Shaw (eds) // *Theories of New Regionalism*. — Bagin Stoke: Palgrave, 2003. — PP. 22–42; Laursen F. *International Regimes or Would-Be Polities? Some Concluding Questions and Remarks* / F. Laursen (ed.). — *Comparative Regional Integration: Theoretical Perspectives*. — Aldershot: Ashgate, 2003. — PP. 283–93.
 19. Warleigh-Lack A. *Studying regionalization comparatively: A conceptual framework* / *Regionalisation and Global Governance: The Taming of Global Governance?* — Ed. by Andrew F. Cooper, Christopher W. Hughes and Philippe De Lombaerde. — Routledge, 2007. — P.48.
 20. См., например: Богатуров А.Д. *Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны. 1945–1995* / А.Д. Богатуров. — М., 1997; Воскресенский А.Д. *Россия и Китай. Теория и история межгосударственных отношений* / А.Д. Воскресенский. — М., 1999.
 21. В настоящее время основные споры по вопросам применения той или иной теории для описания региональных процессов происходят на примере Юго-Восточной Азии и АСЕАН. См., например, следующие статьи в специальном номере журнала «The Pacific Review» за 2006 г. (*The Pacific Review*. — 2006. — 19:2): Acharya A., Stubbs R. *Theorizing Southeast Asian Relations: an introduction* / A. Acharya, R. Stubbs // *The Pacific Review*. — 2006. — 19:2. — PP. 125 — 134; конструктивистский подход к анализу причин создания Регионального Форума АСЕАН: Katsumata H. *Establishment of the ASEAN Regional Forum: constructing a 'talking shop' or a 'norm brewery'?* // *Ibid.*, pp. 181 — 198; анализ АСЕАН с точки зрения английской школы МО: Narine Sh. *The English School and ASEAN* / Sh. Narine // *Ibid.*, pp. 199 — 218; рациональный институционализм как основа для анализа Регионального Форума АСЕАН: Kawasaki T. *Neither skepticism nor romanticism: the ASEAN Regional Forum as a solution for the Asia-Pacific Assurance Game* / T. Kawasaki // *Ibid.*, pp.219 — 237; спор неореализма с конструктивизмом: Eaton S., Stubbs R. *Is ASEAN powerful? Neo-realist versus constructivist approaches to power in Southeast Asia* / S. Eaton, R. Stubbs // *Ibid.*, pp. 135 — 155; критика конструктивистского подхода: Tan S.S. *Rescuing constructivism from the constructivists: a critical reading of constructivist interventions in Southeast Asian security* / S.S. Tan // *Ibid.*, pp.239 — 260; а также критика применения теории сообществ безопасности к АСЕАН: Khoo N. *Constructing Southeast Asian security: the pitfalls of imagining a security community and the temptations of orthodoxy* / N. Khoo // *Cambridge Review of International Affairs*. — 2006. — 17:1. — PP.137 — 153.
 22. *The Rational Design of International Institutions* / *International Organization*. — Autumn, 2001. — Vol. 55, No. 4.
 23. Koremenos B. et al. *The Rational Design of International Institutions* / Barbara Koremenos, Charles Lipson, Duncan Snidal // *International Organization*. — Autumn, 2001. — Vol. 55, No. 4. — PP. 761–799.
 24. *Crafting Cooperation: Regional International Institutions in Comparative Perspective* / Ed. by A.Acharya and Alastair Iain Johnston. — New York: Cambridge University Press, 2007. — P. 15.
 25. *Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective* / Ed. by Amitav Acharya and Alastair Iain Johnston. — NY: Cambridge University Press, 2007. — 318 p.
 26. Pedersen, Thomas. *Cooperative hegemony: power, ideas and institutions in regional integration* / Thomas Pedersen. — *Review of International Studies*. — 2002. — 28. — PP. 677–696.
 27. О применимости различных современных теорий региональной интеграции и регионализма к ОДКБ и ШОС см. Никитина Ю.А. *ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности*. — М.: Навона, 2009. — С. 132–185.
-